

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 2—4

(1933)

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

трактате ас-Сақатї (X—XII). Следы его влияния заметны и на другом авторе приблизительно той же эпохи (XII—XIII). Несомненно, что и в Испании в литературной истории трактатов о хысбе существовала такая же традиция, как на Востоке, но только из испанской традиции пока нам стало известно лишь одно звено.

Работа Colin и Lévi-Provençal открывает несомненно новую эпоху в изучении хысбы и может служить образцом критического издания. Ими составлено обстоятельное введение (I—XIII), в котором сообщены сведения о хысбе в исламе (I—VI), о главнейших трактатах в этой области (VI—VIII),¹ о рукописях сочинения ас-Сақатї (VIII—X), о заимствованиях из его трактата (X—XIII). Совершенно правильно они учли, что памятник, во многом отражающий испано-арабский диалект, представляет особые трудности для понимания. В связи с этим составлен специальный грамматический очерк (1—9), содержащий замечания по фонетике (1—4), морфологии (4—5), синтаксису (5—9) и составу вокабулярия (9). Особые терминологические трудности вызвали необходимость специального глоссария (11—72), который можно считать составленным образцово. О количестве заключенного в нем материала легко судить уже потому, что он занимает немногим меньше места, чем весь арабский текст. Не надо добавлять, что работа сопровождается оглавлением (73 и v^к) и указателем собственных имен (v^л). Четыре таблицы снимков с рукописей позволяют наглядно судить о тех трудностях, которые приходилось преодолевать издателям при дешифровке текста.

Благодаря новой работе историка, экономисты и социологи, специально

занимающиеся арабским миром, получают возможность привлечь к исследованию первоклассный материал, на который до сих пор не обращалось серьезного внимания. Роль «хысбы» на мусульманском Востоке очень долго сохраняла свое значение и нам полезно помнить, что еще под 1510 годом в переписке Москвы и Крыма упоминается «мустанип азовский»¹

Л. Июнь 1932.

И. Крачковский.

Датский перевод „Тысяча и одной ночи“.

Tusind og en Nat oversat fra arabisk af J. Østrup illustreret af Gudmund Heintze I—VI. Baltisk Forlag. Malmö — København — Berlin. 1927—1928. 8° maj. стр. 396 + 400 + 400 + 400 + 400 + 408 + illustrat.

История переводов «1001 ночи» еще не написана; между тем она представляет очень любопытную страницу не только литературной, но и культурной жизни европейских стран. Каждая эпоха оставляла здесь свой след и налагала определенный отпечаток: если не всякий перевод вносил что-либо новое в понимание самого произведения, то он всегда был характерен для литературных и научных взглядов своего времени. Двадцатые годы нашего столетия открывают, повидимому, новый период. До этого времени последним словом науки (и переводческого искусства) в данной области считались переводы литературно-эстетствующего типа, как Raune и Mardrus (к которым отчасти может быть отнесен и Burton, другой стороной примыкающей к «этнографическому» типу переводов, одним из

¹ Некоторые дополнения к этим главам даны мною в начале статьи.

¹ В. Е. Сыроечковский. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI века, ИОН, 1932, 196.

лучших образцов которых остается старый Lane). Теперь мы замечаем новое явление: к переводам «1001 ночи» приступают арабисты-филологи, для которых это произведение являлось предметом специального изучения, а не очередной рядовой работой, как бывало и раньше (Weil, Henning). Пионером нового направления мы можем считать Е. Littmann'a, известного семитолога и арабиста, одинаково близкого к диалектологии и фольклору Переднего Востока, который в 1921 г. стал выпускать свой шеститомный законченный в 1928 г. перевод. Для серьезного изучения «1001 ночи» и работы над ней этот перевод и является теперь основным авторитетом. К тому же направлению литературно-филологического перевода мы можем отнести и русскую работу М. А. Салье, который подготовлял себя к трудной задаче серьезным научным изучением памятника и дал уже несколько монографий по различным вопросам, связанным с его литературной историей.¹ Перевод М. А. Салье стал появляться в печати с 1929 г., уже после того, как в Европе был издан датский перевод J. Østrup'a, который можно было бы считать вторым после Littmann'a образцом нового течения в истории переводов «1001 ночи», основываясь на имени автора. К сожалению, перевод до последнего времени оставался недоступным рецензенту; он представляет однако настолько крупное событие в интересующей нас области, что и теперь не поздно познакомить с ним читателей.

¹ «Ленинградская рукопись „Тысяча и одной ночи“» (Изв. Акад. Наук СССР, 1928, 185—196), «Материалы для датировки сказки об Аля ад-дине Абū-ш-Шамāте» (ibid., 299—310). Совершенную новость для науки представляют опубликованные им отрывки «1001 ночи» в еврейской транскрипции, которые до сих пор не были знакомы специалистам «Неизвестный вариант сказки о рыбаке и дуге» (ЗКВ, V, 1930, 405—428).

Перевод вышел в 1927—1928 гг., одновременно в двух изданиях — оригинальном датском и шведском в переводе с датского Т. Wennström.¹ Оба издания сопровождаются одинаковыми иллюстрациями датского художника G. Hentze. Для скандинавских литератур, до сих пор как и русская, не обладавших переводом с подлинника, выход в свет работы Østrup'a представлял событие первостепенной важности и был встречен соответствующими отзывами прессы. Имя переводчика позволяло надеяться, что его труд будет таким же событием вообще для всех интересующихся «1001 ночью». Надо помнить, что Østrup является крупнейшим специалистом по «1001 ночи»; одна из первых его работ в начале 90-х годов составила целую эпоху в этой области² и до настоящего времени остается основным руководящим трудом по ее истории.³ Еще до этой книги им был выпущен перевод сказки об Аладдине из «1001 ночи»;⁴ вероятно с того же времени был начат и систематический перевод, продолжавшийся в течение долгих лет параллельно с научной работой и законченный, судя по дате в конце предисловия (I, 26), в январе 1924 г. в Каире.

Это предисловие, предвещающее первый том (стр. 7—26), об истории перевода говорит очень мало, но положенным в основу принципам уделяет большое внимание и с этой точки зрения представляет общий интерес, как мнение крупного знатока «1001 ночи». С са-

¹ Последний мне известен только по рецензии K. Zettersteen'a в журнале «Le Monde Oriental» XXII, 1928, 527—528.

² Studier over Tusind og en Nat af J. Østrup (København, 1891).

³ В 1904 г. вышел русский перевод этой работы Т. Ланге с дополнениями А. Крымского (Москва), в 1925 г. — немецкий с дополнениями O. Rescher'a (Stuttgart).

⁴ В сборнике его переводов «Arabiske Sange og Eventyr efterlignede af J. Østrup». København, 1889, стр. 74—175.

мого начала выясняется, что задача, которую ставил себе Östrup, сильно отличалась от той, которой удовлетворяет перевод Littmann'a или Салье: последние дают не только книгу, которую можно читать, но и авторитетный текст, основываясь на котором не-арабист может работать над «1001 ночью» с достаточной уверенностью; у Östrup'a эта задача совершенно отпадает. Первый датский перевод с подлинника (стр. 21, 25), по его мнению, должен быть прежде всего Folkebog или folkelig Bog (18—19, 21, 24) — «народной» или «популярной книгой», книгой для широких масс читателей. Этим углом зрения и объясняется основной подход переводчика. Принципиально он считает нужным, однако, относиться к тексту с известной бережностью. «За исключением мест, где европейский вкус ставит более узкие рамки, чем восточный, текст передан с возможной точностью. Задача переводчика... представить арабский текст так, чтобы он чувствовался непринужденным и благозвучным на другом языке. Во всякое время обязанность переводчика выражаться так, как поступил бы автор оригинала, если бы он пользовался языком переводчика. Чем дальше язык оригинала лежит от переводчика, тем больше ему должно быть свободы» (21). Если последний пункт может вызвать и несколько иное отношение при известной субъективности, то стремление к возможной точности представляется несомненно желательным. При дальнейшем ознакомлении, однако, оказывается, что переводчик понимает эту точность едва ли так определенно, как говорит о ней в данном месте.

С его отношением к «скользким» местам еще сравнительно легко согласиться. Он прав, когда говорит, что «что можно сказать» на Востоке пони-

мается иначе, чем у нас. Много специфических мест возникло в угоду среде, иногда элегантных и выразительных, иногда грубых, как в рассказе о посылщике и трех дамах. Некоторые переводчики сохраняли буквальность таких мест, нередко даже усиливая их (как Mardrus и Burton). Конечно, в переводе, рассчитанном на то, чтобы стать «народной книгой», надо от этого отказаться, тем более, что только отдельные места, как в упомянутом рассказе, имеют какое-нибудь значение для хода действия (стр. 18—19).

Значительно труднее согласиться с отношением Östrup'a к стихам «1001 ночи», причем и здесь его принципиальная установка несколько отличается от того, как это проведено на практике. Связь стихов с основным текстом характеризуется им совершенно правильно (стр. 19). Обилие стихов в «1001 ночи» хорошо известно. Очень часто они расходятся в различных редакциях и почти никогда не содержат ничего для развития рассказа: это только поэтические паузы в прозаическом повествовании. Состояние текста во многих местах вызывает большие трудности языкового характера и неудивительно, что основная масса переводчиков опускает эти стихи. Однако, никак нельзя забывать, что они составляют характерную органическую часть «1001 ночи»; правильное представление об оригинале может быть только тогда, когда хотя бы большая часть стихов была включена в перевод, несмотря на их различное достоинство. Последнюю мысль Östrup подчеркивает еще раз, говоря (стр. 22), что ни один перевод не может считаться полным, если он не обращает должного внимания на включенные в текст арабские стихи. На практике, однако, высказанные здесь принципы в значительной мере нарушаются чисто

субъективным подходом, который очень хорошо характеризуется его собственными словами здесь же (стр. 22): «Когда одна и та же мысль выражается в двух или нескольких непосредственно следующих одна за другой поэтических цитатах, что бывает особенно часто, я выбирал ту, которая казалась мне более красивым и удачным выражением этой мысли. В некоторых случаях я предпочитал делать пропуски, когда стихи были плоски и неудачны или когда связь между цитатой и окружающим текстом слишком случайна. В известных местах я сокращал стихи, которые для европейского вкуса могут показаться растянутыми». При таком «несколько более свободном обращении с текстом в стихах» (стр. 23) трудно согласиться с переводчиком, когда он выражает здесь же надежду на то, что «сравнение перевода с оригиналом покажет, что последний настолько близок к первому, насколько возможно, когда текст должен быть переработан в рифмованные стихи на чужом языке.» Нельзя отрицать, что литературное искусство Östrup'a создает легко звучащие податски стихи, но это скорее именно переработка, иногда вариация на арабскую тему, чем перевод. У критика здесь оружие отнято: при сличении с текстом нет никогда уверенности, что представляет собой расхождение — результат иного понимания арабиста или переработку в связи с приведенными субъективными соображениями.

Такой же субъективный подход применяет Östrup и к содержанию «1001 ночи», основываясь на принципиально справедливых выводах, но пользуясь ими слишком диктаторски. Он совершенно справедливо констатирует (стр. 16), что в различных рукописях и изданиях «1001 ночи» содержание неодинаково; в разных редакциях легко установить наличие вы-

пусков и вставок. Распределение по ночам тоже не везде одинаково: объем первых ночей всегда значительно больше, чем последних. Так как содержание по существу не зависит от этих внешних разделений, то он считал возможным не сохранять в переводе указания ночей, удержав только традиционные вступления и заключения сказок, чтобы оттенить основную рамку. В последней системе нельзя не усмотреть известной непоследовательности, но существенной роли она, пожалуй, еще не играет. Опаснее другое выставляемое им по отношению к тексту положение (стр. 23): «Когда связь слишком натянута и непонятна, искусство переводчика должно облегчить понимание, внося часть необходимых уяснений в самый перевод». Можно надеяться, что знания и такт Östrup'a не позволили ему пойти слишком далеко в применении этого пункта, но для среднего переводчика он явился бы несомненно опасным. Так же рискованно и то, что он не считал себя обязанным сохранять порядок сказок по положенному им в основу изданию, а «для большего разнообразия» допустил ряд перестановок (стр. 24). В этом он разошелся с большинством авторитетных переводчиков, и едва ли истина на его стороне.

Расходится он с ними и в издании, положенном в основу перевода. Как известно, большое разнообразие существующих печатных редакций «1001 ночи» заставляет переводчиков придерживаться обыкновенно какой-либо одной, дополняя ее в том или ином виде на основании других. Чаще других здесь привлекаются либо калькуттское издание Macnaghten'a, либо первое булакское; Östrup положил в основу четырехтомное египетское издание 1890 г. (стр. 21). Признавая его «далеко не безупречным», он тем не менее находит, что «благодаря ровному стилю

и неприязнительному языку издание является хорошей основой для перевода, который должен быть популярной книгой». Едва ли последнее соображение покажется особенно убедительным для тех, кто знаком с «1001 ночью» в различных редакциях, тем более, что еще около 1908 г. сам же Östrup находил, что «самым лучшим изданием арабского текста все еще остается двухтомное булакское 1251 г.»¹ Не хотелось бы предполагать, что издание 1890 года явилось в основе перевода Östrup'a только потому, что оно было последним по времени, когда он готовил свою эпохальную работу по «1001 ночи», опубликованную в 1891 г. Отношение его и к этому изданию достаточно диктаторское, как мы видели: он не считал нужным сохранять принятый там порядок сказок, а кроме того во многих случаях «объединял и дополнял текст по изданиям Булака и Бейрута» (стр. 21). Степень использования всех этих источников в предисловии не характеризуется с достаточной ясностью; Östrup говорит только (стр. 22), что им исключен рыцарский роман об 'Омаре ибн ан-Ну'мане, как не входивший первоначально в состав сборника, варианты и обработки предшествующих рассказов, равно как мелкие незначительные анекдоты. В противоположность этому присоединены сказка об 'Аладдине и чудесной лампе, согласно тексту, открытому в 1887 г. Zotenberg'ом; «пара других сказок, которые отсутствуют в каирских изданиях, но приобрели европейскую известность, взяты из Burton'a». Непосредственное изучение перевода несколько уточняет эту картину, но, с другой стороны, опять открывает противоречия в приемах Östrup'a. Из «вариантов предшествующих рассказов» один ('Абдаллах

ибн Фадл и его братья) фигурирует уже в первом томе (стр. 229 сл.), «так как он великолепно рассказан и тем более, что находится в большинстве изданий». Несмотря на исключение романа об Омаре, из него взята вставная сказка о Тадж ал-мулюке (5, стр. 68 сл.). По тексту, изданному Zotenberg'ом, как указано, переведена сказка об 'Аладдине (3, стр. 228 сл.); по переводу Burton'a, повидимому, три сказки — Ахмед и Пери Бану (4, стр. 242 сл.), Али Баба (4, стр. 314 сл.) и Али Ходжа (4, стр. 354 сл.). Характерно замечание переводчика о том, что арабский текст сказки об Али Баба был ему недоступен (4, стр. 314 прим.): он издан в 1910 г. Macdonald'ом в Журнале Лондонского азиатского общества (стр. 327—386), и использование его для ученого Западной Европы не представляет никаких трудностей. На основании бейрутского издания дан перевод повести о Хикаре (5, стр. 369 сл.) К сожалению, относительно некоторых сказок источник не указывается, как, например «Харун ар-Рашид и три человека» (5, стр. 7 сл., говорится только, что ее нет в каирском издании), «Спящий бодрствующий» (5, стр. 303 сл., упоминается, что она есть в бреславльском и бейрутском издании). Совершенно непонятым кажется включение сказки об одураченном воре (6, стр. 303 сл.), взятой из сборника современных записей месопотамского фольклора Weissbach'a, «как образец более современного искусства рассказчика». При такой пестроте состава трудно надеяться, что перевод Östrup'a даст действительно представление об одной из действительно существующих редакций «1001 ночи»; строго говоря, он представляет новую версию этого мирового произведения, составленную на основании достаточно субъективных соображений.

¹ Enzyklopaedie des Islam, I, 269.

На примечания к переводу Östrup сознательно скуп и сам признает, что их легко было бы увеличить (стр. 24). Но перевод должен служить народной книгой «с хорошей и точной передачей арабских сказок, а не культурно-историческим очерком с текстом „1001 ночи“ в основе». В связи с этим он ограничивается только теми примечаниями, которые необходимы для понимания текста, воздерживаясь от толкования деталей, в частности специфических арабских кушаний (стр. 24—25).

В заключении предисловия переводчик еще раз подчеркивает свою принципиальную постановку. Главным в переводе «1001 ночи», по его мнению, является не арабский местный колорит, а ее общечеловеческое значение. В виду надо иметь не ориенталиста или фольклориста, который ищет отражения культуры определенного периода; обычный читатель, главным образом и прежде всего, ищет развлечения и забвения в плодах горячей и веселой фантазии; потребности такого читателя и должны быть учтены по преимуществу. Конечно, добавляет он, первый перевод на датский с арабского подлинника не должен быть только книгой для развлечения в худшем смысле слова, но должен стремиться пробудить интерес к пониманию Востока, который в наши дни модернизируется и постепенно все более сближается с Европой, однако, сохраняет еще многое из примитивных форм жизни более древних периодов.

Несомненно, что цели, поставленной себе, Östrup достиг вполне; понятен и тот восторженный прием, который встретил его перевод в скандинавских странах. Он дал очень хорошую книгу для чтения датской публики, но самое имя его, как знавильно и исследователя «1001 ночи», нетока заставляло мечтать о большем: думалось, что мы получим не только книгу для занимательного чтения, но и авторитетный

перевод, который для всех интересующихся «1001 ночью» не-арабистов заметит подлинник. Этого не случилось, и такую роль очевидно, попрежнему будет играть перевод Littmann'a.

Первая часть предисловия (стр. 7—20) посвящена общей характеристике и истории «1001 ночи»; в ней Östrup ограничивается главным образом передачей в общедоступной форме тех выводов, к которым он пришел в своем известном исследовании и статье в Энциклопедии ислама (I, 265—269), мало добавляя к ним нового.

На самом переводе после сказанного едва ли есть необходимость останавливаться. Несомненно, что имя Östrup'a, одинаково авторитетное в области арабистики и датской литературы, служит достаточной гарантией того, что ему удалось преодолеть все трудности, связанные с пониманием и передачей арабского текста. Сличение же его перевода с оригиналом, при характеризованной выше его системе, едва ли представляется целесообразным.

Внешнее оформление издания великоленно. Хороший, хотя и не ближневосточного стиля переплет, приятная печать и бумага — как всегда на высоте скандинавских издательств. Иллюстрации принадлежат датскому художнику Gudmund'u Hentze и распадаются на три категории: таблицы на отдельных листах в красках (по 8 на том), черные иллюстрации в тексте (от 40 до 60 на книгу) и черные заставки вверху каждой страницы (около 15 повторяющихся вариантов). Последние довольно ординарны, выдержаны скорее в европейском стиле и не представляют ничего оригинального в смысле иллюстрации восточного произведения. То же надо сказать о полихромных таблицах, которые напоминают образцы обычного европейского условного экзотизма, очень часто

применяемого к иллюстрированию переводов «1001 ночи» (как, например, при многочисленных изданиях немецкого перевода Weil'я). Значительно выше стоят черные иллюстрации к тексту; они сохраняют обыкновенно одинаковые приемы; некоторые из них проникнуты легким юмором и носят характер изящного шаржа. Среди них нетрудно найти великолепные в своем роде образцы. Эта сторона издания еще более повышает достоинство книги, предназначенной переводчиком для занимательного чтения широкой публики.

Л. Декабрь 1930 — июнь 1932 г.

И. Крачковский.

И истории книгопечатания и журналистики в современном Египте (Bockwitz, Dr. Hans H. Vom Frühdruck in Ägypten zur ägyptischen Staatsdruckerei. Archiv für Buchgewerbe und Gebrauchsgraphik, Heft 7, 1932).

Автор цитированной статьи справедливо обращает внимание читателя на тот факт, что в то время, как Турция стала вводить у себя книгопечатание уже на заре XVII в., подвластный ей (с нач. XVI до середины XIX в.) Египет впервые применил на своей территории изобретение Гутенберга лишь во время наполеоновской экспедиции 1798 — 1801 гг. Отправляясь в эту экспедицию, Наполеон снабдил свой громадный, не только военный, но и научный и технический штаб также и типографским оборудованием, взятым главным образом у парижской Imprimerie Nationale и включившим в себя шрифты французский, греческий и арабский. Историки встречаются с именами двух деятелей, стоявших во главе печатно-издательского дела французской армии, причем каждому из них одновременно приписывается честь печатания

как знаменитого первого наполеоновского приказа (еще на борту адмиральского корабля «Orient»), так и двух главных французских изданий в Египте эпохи оккупации — органа официальной информации «Courrier de l'Égypte» и научно-литературного журнала «La Décade Egyptienne», служившего органом учрежденного Наполеоном Institut d'Égypte и помещавшего на своих страницах труды научного состава экспедиции. Это были известный французский арабист J. J. Marcel и некий J. E. Marc Aurel, о котором есть сведение, что до египетской кампании он был военным типографом в Тулоне. В виду упомянутой неясности создана даже гипотеза, будто оба имени относятся к одному лицу J. J. Marcel'ю, который, по моде того времени, присоединил к своей исконной фамилии знаменитое античное имя, именуюсь, однако, в официальных списках лишь первым, французским. Проявляя излишнее увлечение этим второстепенным вопросом, Dr. Bockwitz весьма подробно разбирает его (гл. обр. на основании работ каирского ученого Albert Geiss'a, напечат. в Bull. offic. des maîtres imprimeurs de France и в Bull. de l'Institut Égyptien, 1907) и приходит к выводу, что мы должны считаться с двумя лицами, из которых Marc Aurel, ранее другого покинувший Египет, устроил в Каире свою частную типографию, слившуюся после его отъезда с каирской правительственной Imprimerie Nationale, находившейся (как и другая казенная типография — Imprimerie orientale et française, в Александрии) под управлением J. J. Marcel'я.

В беспокойные дни и годы непрерывных военных действий французы-оккупанты ограничились выпуском не очень многочисленных официальных изданий, но и среди них имеются такие